

Содержание

Глава 1. Контуры мира после окончания холодной войны	7
1.1 Капитализм как единственная социально- экономическая система	8
1.2 Возвышение Азии и изменение баланса сил в мире	13
Глава 2. Либерально-меритократический капитализм.	22
2.1 Основные характеристики либерально- меритократического капитализма	23
2.2 Системные неравенства	40
2.3 Новая социальная политика	70
2.4 Самовоспроизводящийся высший класс?	93
Глава 3. Политический капитализм	113
3.1 Место коммунизма в истории	114
3.2 Почему, чтобы принести капитализм в (некоторые страны) третьего мира, потребовались коммунистические революции?	132
3.3 Основные черты политического капитализма	150
3.4 Обзор неравенства в Китае.	161
3.5 Долговечность и глобальная привлекательность политического капитализма.	183
Глава 4. Взаимодействие капитализма и глобализации	210
4.1 Труд: миграция	213
4.2 Капитал: глобальные производственно- сбытовые цепочки	239
4.3 Социальное государство: выживание	250
4.4. Мировая коррупция	257

Глава 5. Будущее глобального капитализма.	283
5.1 Неизбежная аморальность гиперкоммерческого капитализма	283
5.2 Атомизация и коммодификация	301
5.3 Необоснованный страх перед технологическим прогрессом	318
5.4 Роскошь и наслаждение	330
Приложение А. Место коммунизма в глобальной истории.	353
Приложение Б. Гиперкоммерциализация и «невидимая рука» Адама Смита	361
Приложение В. Некоторые методологические вопросы и определения	365
Измерение глобального неравенства	365
Измерение доли капитала в общем чистом доходе	368
Конвергенция доходов	370
Благодарности	373
Литература	376

ГЛАВА 1

Контурсы мира после окончания ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

[Буржуазия] под страхом гибели заставляет... все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, т. е. становиться буржуа. Словом, она создает себе мир по своему образу и подобию.

*Маркс и Энгельс, «Манифест
Коммунистической партии» (1848)¹*

В эпоху открытий превосходство силы на стороне европейцев было так велико, что они могли безнаказанно совершать в этих отдаленных странах любые несправедливые поступки. Впоследствии, может быть, туземцы этих стран станут сильнее или европейцы станут слабее, и жители всех различных частей мира настолько сравниваются в мужестве и силе, что это одно, внушая им боязнь друг перед другом, сможет превратить несправедливость независимых наций в некоторое уважение к правам друг друга. Но скорее всего такое равенство силы может установить взаимное сообщение знаний и ознакомление со всеми видами промышленной деятельности, которые естественно или даже необходимо ведут за собою оживленные сношения между всеми странами.

Адам Смит, «Богатство народов» (1776)²

1. Маркс и Энгельс (1955–1978, т. 4, 428).

2. Смит (2007, 593–594).

1.1 Капитализм как единственная социально-экономическая система

ЯНАЧАЛ эту главу с двух цитат. Первой — из «Манифеста Коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса, около 170 лет; второй — из Адама Смита, почти 250 лет. Эти отрывки из двух классических работ по политической экономии, возможно, лучше, чем любые современные произведения, отражают суть двух эпохальных процессов, которые переживает мир. Первый — это утверждение капитализма как не только господствующей, но и единственной социально-экономической системы, существующей в мире. Второй — изменение баланса экономической мощи между Европой и Северной Америкой, с одной стороны, и Азией — с другой, вследствие подъема Азии. Впервые после промышленной революции доходы на этих трех континентах приближаются друг к другу, возвращаясь примерно к тем же относительным уровням, на которых они находились до промышленной революции (конечно, уже на гораздо более высоком абсолютном уровне). Со всемирно-исторической точки зрения безраздельное господство капитализма и экономическое возрождение Азии — события поразительные и, возможно, взаимосвязанные.

Тот факт, что вся планета сегодня работает в соответствии с одними и теми же экономическими принципами — производство, организованное для получения прибыли, использующее свободный наемный труд и главным образом частный капитал, с децентрализованной координацией, — не имеет исторических прецедентов. В прошлом капитализм, будь то в Месопотамии II тысячелетия до н.э., Римской империи, средневековых итальянских городах-государствах или во Фландрии и Нидерландах раннего Нового времени,

всегда должен был сосуществовать — порой в рамках одной и той же политической единицы — с другими способами организации производства. Сюда входили охота и собирательство, различные виды рабского труда, крепостная зависимость (когда работник по закону привязан к земле и не имеет права предлагать свой труд другим) и мелкотоварное производство, осуществлявшееся независимыми ремесленниками или мелкими фермерами. Всего лишь сто лет назад, уже при первой инкарнации глобального капитализма, в мире все еще существовали все эти способы производства. После русской революции капитализм делил планету с коммунизмом; в странах, в которых восторжествовал последний, проживало около трети населения мира. Сегодня не осталось ничего, кроме капитализма, если не считать очень маргинальных областей, не оказывающих никакого влияния на глобальное развитие.

Глобальная победа капитализма повлекла за собой многочисленные последствия, которые Маркс и Энгельс предвидели в 1848 году. Капитализм облегчает трансграничный обмен товарами, движение капитала и в некоторых случаях движение рабочей силы — а когда прибыль от международной торговли выше, чем от внутренней, просто жаждет всего этого. Таким образом, не случайно глобализация получила наибольшее развитие в период между Наполеоновскими войнами и Первой мировой войной, когда капитализм властвовал более или менее безраздельно. Нынешняя глобализация также не случайно совпадает с еще более безоговорочным торжеством капитализма. Если бы над капитализмом взял верх коммунизм, то нет никаких сомнений, что, несмотря на интернационалистские убеждения, исповедуемые его основателями, его победа не привела бы к глобализации. Коммунистические общества были в подавляющем большинстве автаркическими и националистическими, и движение товаров, капитала и рабочей силы че-

рез границы было минимальным. Даже внутри советского блока торговля велась только ради продажи излишков товаров или в рамках двусторонних сделок, проникнутых меркантилистскими принципами. Это радикальное отличие от капитализма, который, как отмечали Маркс и Энгельс, имеет тенденцию к экспансии.

Безраздельному господству капиталистического способа производства соответствует столь же неоспоримая власть идеологии, согласно которой стремление заработать — не только вполне достойный мотив поведения, но и важнейшая цель человеческой жизни, стимул, понятный людям во всех концах земли и представителям всех классов. Убедить человека с иным жизненным опытом, другого пола, расы или происхождения в оправданности некоторых наших представлений, забот и мотивов, может оказаться непростым делом. Но тот же самый человек легко поймет язык денег и прибыли; если мы объясним ему, что наша цель — заключить максимально выгодную сделку, он легко сможет разобраться, что будет наилучшей экономической стратегией — сотрудничество или конкуренция. Тот факт, что (используя марксистские термины) базис (экономическая основа) и надстройка (политические и юридические институты) в современном мире так хорошо подогнаны друг к другу, не только помогает глобальному капитализму удерживать господство, но также делает человеческие цели более совместимыми, а сообщение этих целей другим более простым и понятным, поскольку каждый знает, что нужно другому. Мы живем в мире, где все следуют одним и тем же правилам и понимают один и тот же язык выгоды.

Такое общее заявление требует некоторых оговорок. Действительно, существует несколько небольших сообществ, разбросанных по всему миру, которые чураются зарабатывания денег, и есть отдельные люди, которые презирают его. Но они

не влияют на общую схему вещей и ход истории. Утверждение, что индивидуальные убеждения и системы ценностей находятся в согласии с целями капитализма, не следует понимать в том смысле, что всеми нашими действиями целиком и полностью движет получение выгоды. Иногда люди совершают подлинно альтруистические поступки или руководствуются другими целями. Но для большинства из нас, если оценивать эти действия по потраченному времени или потерянным деньгам, они играют лишь небольшую роль в жизни. Подобно тому как неправильно называть миллиардеров «филантропами», если они сомнительными путями приобретают огромные состояния, а затем раздают небольшую часть своего богатства, столь же ошибочно сосредотачиваться на небольшой альтруистической части наших действий и игнорировать тот факт, что, возможно, 90% времени нашего бодрствования проходит в целенаправленной деятельности, смысл которой — улучшение условий нашей жизни, главным образом путем зарабатывания денег.

Такая согласованность индивидуальных и системных целей являет собой одно из важнейших достижений капитализма, о чем я подробнее буду говорить в главе 5. Безоговорочные сторонники капитализма объясняют этот успех «естественностью» капитализма, то есть тем, что он якобы идеально отражает нашу врожденную сущность — наше желание торговать, получать прибыль, стремиться к улучшению экономических условий и к более комфортной жизни. Но я не думаю, что, помимо некоторых базовых функций, было бы правильно говорить о врожденных желаниях, как будто они существуют независимо от обществ, в которых мы живем. Многие из этих желаний являются продуктом социализации в наших обществах — в данном случае в капиталистических обществах, которые только и существуют.

То, что политическая или экономическая система находятся в гармоничном соотношении с общепринятым поведением и ценностями общества, — старая мысль, которую развивали такие выдающиеся мыслители, как Платон, Аристотель и Монтескье. Безусловно, это справедливо и в отношении современного капитализма. Капитализму замечательно удастся внушать людям нужные стремления, побуждая или подталкивая их принять его цели и тем самым добиваясь исключительно точного соответствия между тем, что требуется ему для своей экспансии, и представлениями, желаниями и ценностями людей. Капитализм оказался гораздо успешнее, чем его конкуренты, в создании условий, которые, согласно политическому философу Джону Ролзу, необходимы для стабильности любой системы, а именно, чтобы в повседневных действиях людей проявлялись и тем самым укреплялись более широкие ценности, на которых строится социальная система.

Однако капитализм овладел миром в двух разных вариантах: либеральный меритократический капитализм, который за последние двести лет постепенно развивался на Западе (что обсуждается в главе 2), и управляемый государством политический или авторитарный капитализм, олицетворяемый Китаем, но также существующий в других частях Азии (Сингапур, Вьетнам, Бирма) и некоторых частях Европы и Африки (Россия и Закавказье, Центральная Азия, Эфиопия, Алжир, Руанда) (подробнее об этом в главе 3). Как это часто случалось в истории человечества, за расцветом и очевидным триумфом той или иной системы или религии вскоре следует раскол между различными версиями одного и того же кредо. После того как в Средиземноморье и на Ближнем Востоке восторжествовало христианство, внутри него развернулись ожесточенные идеологические споры (наиболее известен конфликт с арианством), которые в конечном ито-

ге породили первый большой раскол между Западной и Восточной церквями. Та же судьба постигла ислам, который почти сразу же после своих головокругительных завоеваний распался на суннитскую и шиитскую ветви. И, наконец, коммунизм, соперник капитализма в XX веке, недолго сохранял единство, разделившись на советскую и китайскую версии. Всемирная победа капитализма в этом отношении ничем не отличается: мы имеем две модели капитализма, которые различаются не только в политической, но и в экономической, и, в гораздо меньшей степени, социальной сфере. И очень маловероятно, на мой взгляд, что всей планетой станет править одна система, как бы ни складывалось соперничество между либеральным и политическим капитализмами.

1.2 Возвышение Азии и изменение баланса сил в мире

Экономический успех политического капитализма — это и есть та сила, которая стояла за вторым из упомянутых выше эпохальных событий: возвышением Азии. Да, возвышение Азии произошло не только благодаря политическому капитализму; либеральные капиталистические страны, такие как Индия и Индонезия, развиваются также очень быстро. Но историческую трансформацию Азии, несомненно, возглавляет Китай. Этот процесс, в отличие от прихода капитализма к мировому господству, имеет исторический прецедент, поскольку возвращает распределение экономической активности в Евразии примерно к тому положению, которое существовало до начала промышленной революции. Но появилась одна важная особенность, которой не было прежде. В то время, когда уровни экономического развития Западной Европы и Азии (Китая) были примерно равными, ска-

жем, в I и II веках или в XIV и XV веках, эти две части мира почти не взаимодействовали между собой и в целом мало что знали друг о друге. Собственно, сейчас мы гораздо больше знаем об их относительном уровне развития, чем они сами знали в то время. Сегодня, наоборот, они интенсивно и непрерывно взаимодействуют между собой. Уровни доходов в обоих регионах также стали во много раз выше. Эти две части мира, Западная Европа, с ее ответвлениями в Северной Америке, и Азия, в которых суммарно проживает 70% мирового населения и которые дают 80% мирового производства, находятся в постоянном контакте посредством торговли, инвестиций, перемещения людей, заимствования технологий и обмена идеями. В результате конкуренция между этими регионами острее, чем могла бы быть в противном случае, потому что системы, при всем их сходстве, не идентичны. При этом не важно, создается ли конкуренция умышленно, когда одна система пытается навязать себя другой и остальному миру, или она происходит спонтанно, когда одна система просто копируется остальным миром с большей готовностью, чем другая.

Это изменение географического баланса сил означает конец военного, политического и экономического превосходства Запада, которое было чем-то само собой разумеющимся в течение последних двух столетий. Никогда в истории превосходство одной части мира над другой не было так велико, как превосходство Европы над Африкой и Азией в XIX веке. Это превосходство проявилось очевиднее всего в ходе колониальных завоеваний, но оно также отражалось в разнице в доходах между этими двумя частями мира и тем самым в глобальном неравенстве доходов среди граждан всего мира, которое мы можем относительно точно оценивать начиная с 1820 года, как показано на рис. 1.1. На этом графике и во всей книге неравенство измеряется с помощью показателя, именуемого «коэффициентом Джини»,

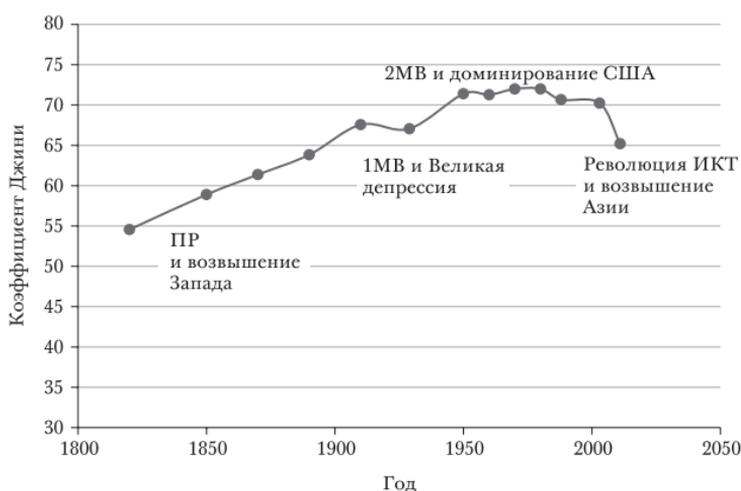

РИСУНОК 1.1. Тенденции глобального неравенства доходов, 1820–2013

PR = промышленная революция; ИКТ = информационные и коммуникационные технологии.

Источник данных: данные за 1820–1980 годы основаны на Bourguignon and Morrisson (2002), но используемые ими значения ВВП на душу населения заменены новыми данными из Maddison Project, 2018. Данные за 1988–2001 годы основаны на Lakner and Milanovic (2016) и моих собственных обновлениях. Все доходы указаны в долларах по ППС (паритет покупательной способности) 2011 года (последний раунд International Comparison Project на момент написания книги в 2018 году). Дополнительные технические подробности см. в приложении В.

который принимает значения от 0 (отсутствие неравенства) до 1 (максимальное неравенство). (Этот коэффициент часто выражается в процентах, в диапазоне от 0 до 100, и тогда каждый процентный пункт называется «пунктом Джини».)

До начала промышленной революции на Западе глобальное неравенство было умеренным, и оно объяснялось почти в равной степени как различиями между людьми, живущими в одной и той же стране, так и разницей средних доходов людей в разных странах. Ситуация резко изменилась с возвышением Запада. Глобальное неравенство росло почти непрерывно с 1820 года до кануна

Первой мировой войны, поднявшись с 55 пунктов Джини (что примерно соответствует сегодняшнему уровню неравенства в странах Латинской Америки) до почти 70 (выше, чем уровень неравенства в сегодняшней ЮАР). За этим ростом стояло главным образом повышение уровня доходов в Европе, Северной Америке, а потом и в Японии (в сочетании со стагнацией Китая и Индии), хотя определенную роль сыграло и растущее неравенство доходов внутри стран, которые становились первым миром. После 1918 года глобальное неравенство ненадолго пошло вниз, благодаря событиям, которые на фоне широкого исторического полотна, с которым мы работаем, выглядят как краткие вспышки Первой мировой войны и Великой депрессии, когда доходы в западных странах перестали расти.

После окончания Второй мировой войны глобальное неравенство достигло самого высокого уровня за всю историю, около 75 пунктов Джини, и оставалось на этом высоком плато до последнего десятилетия XX века. В это время разрыв между Западом и Азией — особенно Китаем и Индией — больше не увеличивался, поскольку независимость Индии и китайская революция заложили основу для роста этих двух гигантов. Тем самым эти две страны сохраняли свои относительные позиции по отношению к Западу с конца 1940-х до начала 1980-х годов. Но это соотношение было явно в пользу богатых стран: ВВП на душу населения как Индии, так и Китая составлял менее одной десятой от ВВП западных стран.

Разрыв в доходах начал сокращаться, причем очень значительно, после 1980-х. Реформы в Китае привели к подушевому росту примерно на 8% в течение следующих сорока лет, резко уменьшив отставание страны от Запада. Сегодня ВВП Китая на душу населения составляет примерно 30–35% от западного уровня, находясь на той же отметке, где он был около 1820 года, и демонстрирует явную

тенденцию к дальнейшему росту (относительно Запада); вероятно, так будет продолжаться до тех пор, пока доходы практически не сравняются.

За экономической революцией в Китае последовало аналогичное ускорение роста в Индии, Вьетнаме, Таиланде, Индонезии и других странах Азии. Хотя этот рост сопровождался ростом неравенства внутри каждой из стран (особенно в Китае), сокращение разрыва с Западом способствовало сокращению глобального неравенства доходов. Это и стоит за недавним падением глобального индекса Джини.

Сближение азиатских доходов с доходами на Западе произошло во время другой технологической революции, революции информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) — революции в производстве, которая на этот раз работала в пользу Азии (более подробно это обсуждается в главе 4). Революция в области ИКТ способствовала не только гораздо более быстрому росту Азии, но и деиндустриализации Запада, которая, в свою очередь, напоминает деиндустриализацию, происходившую в Индии во время промышленной революции. Таким образом, мы имеем два периода быстрых технологических изменений, которыми отмечена эволюция глобального неравенства (см. рис. 1.1). Последствия революции в области ИКТ еще не проявились до конца, но они во многих отношениях аналогичны последствиям промышленной революции: значительные перестановки в мировом рейтинге доходов по мере того, как одни группы поднимаются, а другие опускаются, а также выраженная географическая концентрация как победителей, так и проигравших.

Эти две технологические революции полезно рассматривать как зеркальные отражения друг друга. Одна привела к росту глобального неравенства за счет обогащения Запада; другая — к сближению доходов на больших территориях земного шара за счет обогащения Азии. Можно ожидать,

что в конечном итоге уровни доходов будут примерно одинаковыми на всем евразийском континенте и в Северной Америке, что поможет еще больше сократить глобальное неравенство. (Большим вопросом, однако, остается судьба Африки, которая пока не догоняет богатый мир и население которой растет быстрее всех.)

Изменение мирового экономического баланса носит не только географический характер; это еще и политическое явление. Экономический успех Китая подрывает утверждения Запада о необходимой связи между капитализмом и либеральной демократией. Собственно, и внутри самого Запада это утверждение ставится под сомнение популистскими и плутократическими поползновениями на либеральную демократию.

Изменение баланса сил в мире выводит азиатский опыт на передний план в размышлениях об экономическом развитии. Экономический успех Азии сделает ее модель более привлекательной для других и может изменить наше понимание экономического развития и роста, подобно тому как за последние два столетия на наши взгляды повлияли британский опыт и выводы Адама Смита, опиравшегося на этот опыт.

За последние сорок лет пять крупнейших стран Азии вместе взятых (кроме Китая) имели более высокие темпы роста на душу населения, чем западные экономики, за исключением двух лет, и эта тенденция вряд ли изменится. В 1970 году Запад производил 56% мировой продукции, а Азия (включая Японию) только 19%. Сегодня эти пропорции составляют 37 и 43%³. Мы можем четко увидеть эту тенденцию, сравнив Соединенные Штаты с Кита-

3. С 1970 по 2016 г. общий мировой ВВП вырос почти в пять раз в реальном выражении (с 22 до 105 триллионов долларов 2011 года по паритету покупательной способности), в то время как население мира удвоилось (с 3,5 до 7 млрд).

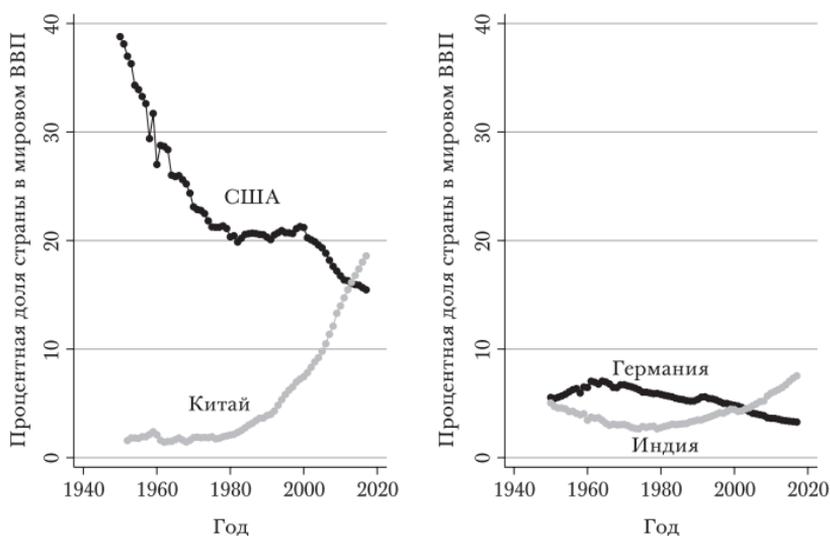

РИСУНОК 1.2. Процентная доля мирового ВВП, которая приходится на США в сравнении с Китаем и на Германию в сравнении с Индией, 1950–2016

Источник данных: Рассчитано по World Bank World Development Indicators (версия 2017 года), при этом ВВП на душу населения выражен в международных долларах (по ППС).

ем и Германию с Индией (рис. 1.2). Феноменальный подъем Азии в эпоху глобализации отражается в уровне поддержки глобализации населением, который выше всего в Азии, особенно во Вьетнаме (91% опрошенных считает, что глобализация — это благо), и ниже всего в Европе, особенно во Франции (где только 37% поддерживают глобализацию)⁴.

Чувство неудовлетворенности на Западе в отношении глобализации отчасти вызвано разрывом между элитами, у которых все хорошо, и значительным числом людей, которые мало что получили от глобализации, возмущены ею и, справедливо

4. Эти результаты были опубликованы YouGov в 2016 г. См.: Jef Desjardins, “What People Think of Globalization, by Country,” *Visual Capitalist*, November 9, 2017, <http://www.visualcapitalist.com/globalization-by-country/>.

или нет, считают глобальную торговлю и миграцию причиной своих бед (см. главу 4). Эта ситуация тревожно напоминает положение в обществах третьего мира 1970-х годов, которые также демонстрировали этот дуалистический характер, когда буржуазия была включена в глобальную экономическую систему, а глубинка большей частью оставалась не у дел. Это «болезнь», которая предположительно касалась лишь развивающихся стран (то, что в неомарксистской литературе называлось «разъединенностью», *disarticulation*), теперь, похоже, переместилась на север и охватила богатый мир. В то же время ирония состоит в том, что во многих развивающихся странах дуализм постепенно сходит на нет за счет их полного включения в глобализированную систему поставок.

Эти два типа капитализма — либерально-меритократический и политический — похоже, вступили

ли в прямую конкуренцию. Во главе первого стоит США, во главе второго — Китай.

*Главная
идея книги*

Но даже независимо от готовности Китая продвигать и «экспортировать» альтернативную политическую и, в некоторой степени, экономическую версию капитализма, политический капитализм сам по себе имеет определенные особенности, которые делают его привлекательным для политических элит остального мира, а не только Азии: система предоставляет политическим элитам большую автономию. Он также привлекателен для многих обычных людей в силу высоких темпов роста, которые он как будто бы обещает. С другой стороны, у либерального капитализма есть много хорошо известных преимуществ, самое важное из которых состоит в том, что демократия и власть закона ценны сами по себе; кроме того, можно утверждать, что и то и другое способствует быстрому экономическому развитию за счет поощрения инноваций и социальной мобильности, тем самым обеспечивая всем примерно равные шансы на успех.

Именно отказ от некоторых важных аспектов этой подразумеваемой системы ценностей, а именно движение в сторону создания закрытого высшего класса и поляризации между элитами и всеми остальными, представляет собой наиболее серьезную угрозу долгосрочной жизнеспособности либерального капитализма. Эта угроза представляет опасность как для выживания самой системы, так и для привлекательности этой модели для остального мира.

В следующих двух главах я обсуждаю основные черты двух вариантов современного капитализма, сосредоточиваясь на их существенных характеристиках, а не на временных aberrациях. Помнить о различии между системными и случайными чертами крайне важно, если мы хотим понять долгосрочную эволюцию либерально-меритократического и политического капитализма, а не просто преходящие флуктуации. Я уделяю много внимания социальным и экономическим структурам, которые воспроизводят эти системы, особенно в том, как они сказываются на неравенстве доходов и классовом составе. На мой взгляд, то, как эти две системы решают эти вопросы, будет определять их относительную привлекательность и стабильность. И, соответственно, наше желание жить при той или другой из них.

Либерально-меритократический капитализм

...Разве не чудесна на первый
взгляд и не соблазнительна
подобная жизнь [демократия]?
— Пожалуй, но лишь ненадолго.

*Платон, Государство*¹

*Определение
либерально-
меритокра-
тического
капитализма*

ОПРЕДЕЛИТЬ либерально-меритократический капитализм несложно. Я определяю капитализм в стиле Карла Маркса и Макса Вебера как систему, при которой большая часть производственной деятельности осуществляется с использованием частных средств производства, капитал нанимает юридически свободную рабочую силу, а координация децентрализована. Кроме того, согласно Йозефу Шумпетеру, большинство инвестиционных решений принимается частными компаниями или индивидуальными предпринимателями².

Термины «меритократический» и «либеральный» взяты из определений различных форм равенства, которые предлагает Джон Ролз в «Теории справедливости» (Rawls 1971; Ролз 1995). «Меритократическое равенство» — это система «естественной свободы», при которой карьеры «открыты

1. Платон (1994, 344).

2. Андре Орлан использует аналогичное определение, отличая капиталистическую экономику от рыночной (*économie marchande*) по наличию в первой наемного труда: Orlean (2011, 23). Пер Фрис (Vries 2013) поступает так же, но добавляет в качестве центральной черты капитализма «проекцию власти за рубеж» (тема, которую мы рассмотрим в главе 3).

для талантов», то есть нет никаких юридических препятствий, мешающих людям достичь заданного положения в обществе. Она всецело принимает наследование имущества. «Либеральное равенство» более эгалитарно, потому что оно частично корректирует наследование собственности путем введения высоких налогов на наследство и включает бесплатное образование как способ сократить передачу преимуществ от поколения к поколению. Таким образом, термин «либерально-меритократический капитализм» указывает на то, как производятся и обмениваются товары и услуги («капитализм»), как они распределяются между людьми («меритократический») и в какой мере существует социальная мобильность («либеральный»).

В этой главе я сосредоточусь на том, как системные силы в рамках либерально-меритократического капитализма формируют распределение доходов и приводят к формированию элитарных высших классов. В главе 3 я исследую аналогичные вопросы в отношении политического капитализма. В обеих главах акцент делается на распределении доходов, неравенстве доходов и капитала и на формировании классов, а не на производстве.

2.1 Основные характеристики либерально-меритократического капитализма

2.1а Исторический капитализм

Лучше всего понять либерально-меритократический капитализм, противопоставив его отличительные особенности особенностям классического капитализма XIX века и социал-демократического капитализма, в том виде, в каком он существовал в период между окончанием Второй мировой войны и началом 1980-х годов в Западной Евро-

пе и Северной Америке. Здесь мы имеем дело с «идеально-типическими» характеристиками систем и игнорируем детали, которые различались в зависимости от конкретной страны и времени. Но в следующих разделах, где я сосредотачиваюсь на либерально-меритократическом капитализме, я подробно обсуждаю эти особенности для страны, которую можно принять в качестве прототипа, а именно Соединенных Штатов.

Таблица 2.1 суммирует различия между тремя историческими типами капитализма, через которые прошли западные экономики. Для простоты я возьму Великобританию до 1914 года как типичного представителя классического капитализма, Западную Европу и Соединенные Штаты с конца Второй мировой войны до начала 1980-х годов как представителей социал-демократического капитализма, а Соединенные Штаты XXI века будут представлять либерально-меритократический капитализм³. Обратите внимание: поскольку две ключевые особенности, которые отличают либеральный капитализм от меритократического — налогообложение наследства и широкая доступность государственного образования, — за последние тридцать лет в Соединенных Штатах ослабли, страна, возможно, сместилась в сторону более «меритократической» и менее «либеральной» модели капитализма. Однако, поскольку я использую Соединенные Штаты как пример всех богатых капиталистических стран, я думаю, что пока еще возможно говорить о либерально-меритократическом капитализме как о единой модели.

Мы начнем с ключевой характеристики каждой капиталистической системы — распределения чистого дохода между двумя факторами производства: владельцами капитала (и вообще

3. Аналогичную классификацию капитализмов я использовал в: Milanovic (2017).

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru